

ОТДѢЛЪ V.

СМѢСЬ.

Особенности языка олонецкихъ былинъ, сказанныхъ И. Т. Рябининиымъ.

Олонецкія былины въ сказѣ И. Т. Рябинина мнѣ случилось прослушать два раза 8 января въ засѣданіи И. Р. Географического Общества по Отдѣленію Этнографіи¹⁾ и 15 числа того-же мѣсяца въ Спб. 7-ой гимназіи.

Иванъ Трофимовичъ Рябининъ, крестьянинъ деревни Горницы, Олонецкаго уѣзда, Олонецкой губерніи, сынъ извѣстнаго былиннаго пѣвца, отъ котораго въ 1871 году записалъ 23 былины покойный Гильфердингъ и издалъ въ своеемъ сборникѣ «Онежскихъ былинъ». Низкаго роста, не плечистый, но крѣпкій и бодрый на видъ, безъ сѣдины, онъ выглядѣтъ моложе своихъ 49 лѣтъ; съ непривычнымъ положеніемъ среди «господъ» онъ освоился довольно скоро, такъ что во второй разъ я не замѣтилъ той застѣнчивости, какая была въ немъ въ собраніи Географического Общества. Рябининъ живетъ крестьянскимъ хозяйствомъ, продааетъ сѣно, отчасти хлѣбъ, а больше дрова въ Петрозаводскѣ; въ Петербургѣ онъ прежде никогда не бывалъ. Онъ совершенно неграмотный; былинамъ и духовнымъ стихамъ научился отъ своего отца съ голоса и, по словамъ г. Виноградова, преподавателя мѣстной гимназіи, привезшаго его въ Петербургъ, знаетъ болѣе 6,000 стиховъ. Голосъ у него сильнѣе, чище и пріятнѣе, чѣмъ у крестьянина Касьянова, сказывавшаго былины въ Обществѣ въ прошломъ году, и, какъ вообще у олончанъ, протяжнѣй, вслѣдствіе чего является какая-то неясность, неотчетливость, открытость гласныхъ звуковъ въ слогахъ безъ ударенія, почти исключительно въ предшествующихъ ударяемому слогу и весьма рѣдко въ слѣдующихъ за нимъ. Мнѣ слышалось *а* вмѣсто *о*, *я* вмѣсто *е*, *и* вмѣсто *е*, однако далеко не такъ ясно, какъ оно замѣчается въ южно-вѣликорусскихъ говорахъ, въ слѣдующихъ слушаю.

Открытое, близкое къ *а*, было *о* въ словахъ: *халодной*, *дасадушку*, *пѣдешъ*, *ка* городу, *супратиникъ*, *падходель*, *малотѣвъ*, *саловая*, *каренъ*, *падорожные*, *пасынае*, *памахивати*, *малодой*, *краволитія*, *повара*, *пабемшъ*, *ва* свой, *рабѣнчка*, *ка* тому *ка* двору, *драгѣбнину*, *сабѣ* (=собѣ), изъ *клей* орде и рѣже за ударяемымъ слогомъ: на сырѣ *ваду*, въ *борбѣзачки*, *ва* синѣ *маре*, *королевскай* сынъ, *царь небеснай*.

Звукъ *я* вмѣсто *е* передъ ударяемымъ слогомъ находился въ словахъ: *улътали*, *нядавно*, *яя* вѣдайте, *кляновая*, *заяжжали*, *свояго*, изъ *тѣмной* орде, *на* *яяго*, *волвода*, *длявонидова*, *сягодня*, *яя* знаю, *бязъ* года (послѣднія три слова я слышалъ въ разговорѣ съ Рябининиымъ), *яцо*, и послѣ *шипящихъ*: *чаловѣческимъ*, *ничаго*, *ай* *жа*, *шалковую*; за ударяемымъ слогомъ: *вечара*, *провожаял* (=проводжаетъ), *могочія* люди, (*ви.* *могочѣ*), *широкіяхъ* (=широкіехъ), *кабацкія* (*голи*), *столовыяхъ*, *зодочѣныя*, *разудамыахъ*, *пелетныяхъ*.

¹⁾ Мы воспользовались и замѣтками г. Тупикова и другихъ, отмѣчавшихъ вмѣстѣ съ нами особенности произношенія Рябинина въ этомъ засѣданіи Отдѣленія.

На мѣстѣ *е* безъ ударенія употреблено было *и* въ словахъ: Бирезова, бирѣть, ми́ня (=меня), матирѣть и уда́лньюкой, отечеству.

Такъ какъ звукъ *а* вмѣсто неударяемаго *о* и звукъ *я* вмѣсто—*е* произносились не слишкомъ ясно и въ большомъ числѣ словъ вовсе отсутствовали, то считамъ эту особенность узко-мѣстною, являющейся подъ влияниемъ сильнаго произношения ударяемаго слога; по крайней мѣрѣ, ни въ записанныхъ Гильфердингомъ былинахъ, ни во многихъ другихъ изданныхъ сѣверно-великорусскихъ народныхъ памятникахъ, этой черты не замѣчается, исключая скучныхъ слѣдовъ: пялгриница (на Пудогѣ) Онежск. былины, Гильфердинга 1873 г., стр. 763; каграблика, карабль (Кенозеро и Моша), тамъ же, стр. 1132, 1133; хѣбецъ аржаной (Пинежск., Холмск., Шенкур. у., Архангельск. губ.), Материалы по этнogr. рус. нас. Арханг. губ., собран. Ефименкомъ, въ трудахъ Этн. Огдѣлениіи И. Общ. Люб. Ест., Антроп. и Этнogr., кн. V, вл. II, 1878 г., стр. 247; отъ обѣдни воскресенскія, таъ же, 18; до тое березонъки кудрявны, тамъ же, 27; весны красныя (род. ед.), здѣся (Мезень), тамъ же, стр. 52, 80; безъ казани и м. казени—казни (Онega). Пѣсни, Кирѣевскаго, ч. III, стр. 62, изъ тѣя норы (Олонецкъ) тамъ же, ч. II, стр. 27; каровашка при коровашка (Холмогор.) Словарь Арханг. нарѣчія, Подвысоцкаго, стр. 63; краваточку (Новгор.) Причитанія сѣв. края, Барсова, ч. I, стр. 143, до лавочки торговыя (Олонецк.), тамъ же стр. 5; до церкви соборныя, отъ умныя, кроткія, Нермскій сборникъ, ч. I, отд. II, стр. 78, часала, тамъ же, стр. 46; краватушкѣ, тамъ же, 37 (срави. отъ сястрицы, тамъ же, ч. II, стр. 141, сястрица, ч. I, 66, колячка, 21, тѣстюшко, тамъ же, ч. II, 141, тѣст—ѣть, 151); у Колосова, Замѣтки о языкахъ и народной поэзіи въ области сѣверно-великор. нарѣчія (Прил. къ XXVIII т. Зап. Акад. II.) записано въ Олон. губ., Каргоп. уѣздѣ: кучарь, чаямъ, видяли (стр. 41); въ Вятск. губ. палтора (Нолинскій уѣздъ), саводни (Вятск. у.), серядь 46, (Нолинск. у.); менѣ рѣдко встрѣчается *и* вмѣстѣ *е*: ми́ня, Материалы, Ефименко, кн. V, вып. II, стр. 271; бисѣдкѣ, тамъ же, 271; ми́ня Пѣсни, Кирѣевскій, I, стр. 54, 86; очинь, тиѣ, сѣбѣ Пермск. сборн. ч. II сказки, стр. 120, 121, 124. Сверхъ того, см. Очеркъ русской діалектологии Проф. А. И. Соболевскаго «Живая Старина» 1892 г. Вып. II, стр. 14, 16 и слѣд.

Почти постоянно замѣнялъ Рябининъ посредствомъ *е* звукъ *я* и *а* (послѣ ши-пящихъ), какъ подъ удареніемъ, такъ и безъ ударенія: оставле́сть, медвѣ́ной, пре-мѣжчѣ́ой, поленицѣ́, Свѣтославовицѣ́, Каракерова, на пету, пѣтъсotъ, пѣтъдесятъ, моя государынѣ, повѣтрехнуть, Селениновичъ, името; въ глаголахъ обыкновенно *се* вмѣсто *ся*: померитисе, наси́хасесье, погибалисе, застоялисе, отламилисе.

Звукъ *и* на мѣстѣ *ъ* попадается такъ рѣдко, что, напримѣръ, во второй разъ я не слыхалъ его ни въ одномъ словѣ; въ первый же, насколько отмѣтилъ, онъ находился въ словахъ: на свити, свершиа, Богъ тоби помочь, и иногда въ окончаніи: въ бороздачки, въ поли (стар.-рус. полы), чимъ (стар.-рус. чимъ), а во всѣхъ прочихъ словахъ съ *ъ* слышалось ясное *е*: звѣри, выѣгали, обѣдушку, цвѣточки, вѣдаешь, щѣстушки, смыты иѣть, наси́хасесье, совѣтъ, мѣстечко, юдешь, юхали, лѣса, рѣки, рѣчи, оржовецъ, стрѣляешь, стрѣлочкѣ, рѣзы, сѣна (въ разговорѣ), всѣхъ, чѣлованіе, чѣлой.

Довольно распространеною чертою являлось *е* вмѣстѣ *и* и подъ удареніемъ и безъ ударенія: мелосливой, причетаетъ, на почестенъ перъ, тетевочекъ, Елья Ивановечъ, Кеѣвъ, обирале кресты, померитесе, меру, чадо мелое, понеже всѣхъ, сушушкѣ, мужечки, ходелъ, вѣходелъ (=выходилъ), саделись, разлевати, мекетынецъ, мелость, скочель, ребушкѣ (=рибушкѣ вмѣстѣ. рыбушки), скедаваль одежечю, бежегъ, спустеть, базека (=базика значить наси́хшикъ); вмѣсто Владѣмѣръ постоянно употреблялось Владѣмѣръ, съ твердымъ дѣ, близкимъ къ дѣ, что отмѣчено было и самимъ Гильфердингомъ въ говорѣ Рябинина-отца.

Расширеніе *е* въ ё замѣчено мною въ словахъ: чисто полѣ, чадо милоѣ, пированіе, вмѣношокъ, моѣй, коѣй, соловоѣй, попухиваѣ, поскриповаѣ, почирикиваѣ, третѣво дни (въ разговорѣ), булатнѣго, всѣ, берёзы, въ трѣхъ (въ разговорѣ), орѣтъ, берёѣтъ ёго. вѣлапъ.

полёмы, тёстъ, по учёному, учёные, грошовъ, ай жо, перышо, чёрнымъ, горыннщё, тежолые, малотцовъ, близёхонъко, дитё опальное, даже одёль (=одель) одежду; въ рѣдкихъ случаяхъ ё остается безъ измѣненій: пестрой, отстёгиваль, пристёгиваль.

Замѣна ударяемаго *а* посредствомъ *о* представилась намъ въ словахъ: пло́чъ вм., пла́чъ, пло́чте, орато́юшка, осто́ва-ко (=оставъ-ко), а также—безъ ударенія—осто́влѣтъ, произлогали.

Какъ весьма любопытную особенность слѣдуетъ замѣтить *о* на мѣстѣ *у*: могочіе люди, междо, въ Почай рѣкѣ, Моромля, тамъ-же Муромля, року (руку), Иссоса (=Иисуса), къ Иссосо, по мero (=міру), моросей, на драгой день, шобку (=шубку) по Кѣсво, гору золотое, хоть огнемъ пожго (пожгу), распостить, голово сроблю, дружинушку хороброю; вмѣсто ёствушка разъ было произнесено ёствешкой; вспомнилъ матушка.

Колосовъ въ «Обзорѣ звук. и форм. особенностей нар. р. яз.», стр. 100, 101 приводить нѣсколько случаевъ постановки *о* вм. *у* (чапе въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ); впрочемъ только немногіе кажутся заслуживающими вниманія: ожготить (при ожгутить) Вологодск.; окроти (Олон. губ., Гильф., 246); перехожою (вин. ед. ж., тамъ же, 234); достоплю (Влад.), коню (вм. куню, Рязанск.).

Слово кустъ, показалось мнѣ, выговаривалось какъ кѣсть, а Богъ — какъ Буѓъ, въ духовномъ стихѣ на Вознесеніе—Буѓъ мелосливой.

Вмѣсто дородній въ записанныхъ Гильфердингомъ былинахъ, И. Т. Рябининъ говорилъ дуродней, и на бѣлы нучи (вм. ночи).

Подобную черту въ Вятскомъ говорѣ подмѣтилъ Даль (О нарѣчіяхъ, стр. 27): онъ говорить, что вятское *о* произносится мѣстами какъ *уо* или *уы*: ичевуо, собуулья. Но Колосовъ считаетъ это обманомъ слуха и объясняетъ мѣстною склонностью къ растяженію, или, какъ онъ называетъ ее—долготою (Замѣтки о языѣ и народной поэзіи сѣверно-великор. края, стр. 64—65).

Въ нѣкоторыхъ словахъ *е* было не умягчительнымъ звукомъ, какъ обыкновенно, а твердымъ: скорѣшенько, дѣнь, золотэй рѣчи.

Кромѣ выше указаннаго Владемерь, въ которомъ э звучитъ близко къ *ы*, подобный звукъ встрѣтился въ словѣ дѣмъ вмѣсто дымъ: на дѣмъ спущю; наконецъ слово громъ было сказано какъ греѧть.

Въ употреблениіи согласныхъ звуковъ наиболѣе замѣтною чертою является извѣстная постановка *ч* на мѣсто *щ* и наоборотъ, впрочемъ далеко не послѣдовательно слышавшаяся: ч вмѣсто щ: чѣлованіе, чѣловаль, чѣлой, крестьяновечъ, паличе, косичею, черквахъ, молодечъ, птичю, одежичю, серчо; но правильно: лицю, царь, царевичи, поглянница, пьяничи, крыльчио, перычио, кабаучія, орѣховечъ, раздольчио, портомойниче, Микиткинечъ, старчи.

Ц вмѣсто ч рѣже: Святославговицъ, племя, тетевоцка, мецъ; но правильно: чадо, пло́чъ, обученъ, чёрнымъ чёрно, чаловѣческимъ, времечко, кричить, золоченые, могочіехъ, хочется, ученые, покончилась, полутикю, вечира, жирабчикомъ, выволочу, чисто, Пучай, далече,ничаго, греческой, манишечкой, рубашечки, черезъ, илемнічку Забаву дочь Путятину, отечеству, Петровича, почестье, пшечко.

Звуки ч, щ и ж, даже двойное жж выговаривались мягко: птичю, кричить, вечира, отчиа-матерп, лицю, по раздольчию, одежицию, птичицы, пьяничи, племя вуплютица, похаживаль, поваживаль, жирабчикомъ, пріѣжжяль, занжжяль, подъяжжяль, ёжживаль; впрочемъ слово лежить отмѣчено у меня съ твердымъ ж: лежжать.

Звукъ жж находился въ словахъ: рождѣляти при раздѣляти, иежждо и прокляжжасъссе. Твердо произносилось щ: що, аще, но всетаки не какъ два твердыхъ щ, которые замѣтны были въ словѣ вышише (того); мягче было щ: пороспущени, сиущю, деревенщины.

Въ словѣ прямовзжая на мѣстѣ эж стояло жч (ч твердое)—премѣжчоей.

Мягкое щ случилось подмѣтить въ словѣ тетевоцкю.

Вмѣсто что и чтобы выговаривалось што и штобы.

Слова чиницъ (=широкъ) и шалыгой (=шалыгой) имѣли ш взамѣнъ щ.

Опущено было с передъ *тѣ* послѣ *дѣ*: подтѣлить, а потомъ въ словахъ: крестьянинъ, крестьянствовати, мелосливъ, есть; што есть людей.

Мягко звучало *р* въ *ребушкѣ* (им. *рибушкѣ*), *Добринюшкѣ*, далѣе *первой*, *сахарный*, *богатырскаго*.

Звукъ *з* произносился безъ приыханія одинаково—въ началѣ, серединѣ и исходѣ словъ: говорвль, городъ, господъ, грошовъ, другой, ду-друга, могочіе, не могутъ, Вольга Святославговічъ, Богословіе, Богъ; въ окончаніи род. ед. также всегда *з* безъ приыханія и не *с*: его, единаго, богатырскаго, булатнѣго, литовскаго.

Изъ особенностей въ формахъ словъ болѣе выдаются слѣдующія:

1. Въ *мѣстоименіяхъ*: имен. ед. З л. постоянно употребляется *ѣнъ*, им. мн. опи и оны безъ различія рода; род. ед. *его*, *нѣго*, *его*; *поиль ее* (вин. ед. ж. р.); *отъ ты*—род. *тобя*, дат. *тоби*; *отъ себя*—дат. *себѣ*, тв. *собою*. Весь въ имен. мн. имѣть форму *вснъ*, *всѣхъ* родовъ; вмѣсто тогъ иногда ставилось *тей*, тв. ед. и.—ср. р. *тынъ*: *тынъ* былиночка покончилась,—такими словами окончавъ *Рябининъ* каждую былну; род. множ. *тыхъ*: *съ тыхъ* да горь. Далѣе *отиѣчу*—дат. ед. ж. р. *этой*, род. мн. ж. *моихъ* (головъ), вин. ед. въ *свое* горенку, занесъ свое руку правую,

2. Въ существительныхъ: зват. *Іане* Богослове служилъ также именительными; имен. мн. *бояре*, *богатыре*, род. мн. *бояровъ*; род. ед. ж. р. *выше голове*, изъ кой орде, изъ таиной орде, *хороброи Литве*; вин. мн. ж. р. обиравле *кресты-наковѣ*, въ паличкѣ *булатніе*, *мелки рѣченкѣ*; им. множ. *ребушкѣ*, *паличе* погибалисе; вин. множ. *отцей-матерей*; тв. множ. *медама* всѣ *стоялныа*.

3. Въ прилагательныхъ: имен. ед. и. р. всегда на *ой* и *ей*: *царь небеснай* (—небесной), *кёевскай удаленькой*, *молоденькой*, *прикованай*, *дуроднай*, но иногда вмѣсто *ой* встрѣчается *ше* и *ое*: *ай* жа ты *старые казакъ*, *братецъ крестовы*, *молодой*—*старое казакъ*; иъ имен. множ. муж. *женск.* и средн. р. окончаніе *е* или *я*, замѣняющее *е*: *богатые*, *шелковые* (гужпки), *могочія* (—*могочіе*) *люди*, *кабацкія* (—*кабацкіе*) *голи*; въ причастной формѣ им. пад. мн. ч. ср. р. на *и*: *поростущи* (крыльца). Род. ед. муж., сред. р. обыкновенно оканчивается на *ою*: *молодого*, *богатырскаго*, *литовскаго*, *булатнѣго*, *соловьевого*,—если-же иногда слышалось у *Рябинина* окончаніе *аю*: *богатырь скаю*, то это можно объяснить звуковой особенностью—произношениемъ неударяемаго о какъ *а*, или же книжнымъ вліяніемъ черезъ духовные стихи; сравн. слова *тысяча*, *которой*.

Род. ед. *женск.* р. *кленовѣ* (*сопки*); род.-вин.-*мѣстн.* множ. ч. *всѣхъ* родовъ оканчивается на *ыехъ*, *іехъ* или *съ я* ви. неудар. *е*—*ыяхъ*, *іахъ*, или же *ыихъ*, *іихъ*: *могучіехъ*, *столовыхъ*, *разудалныхъ*, въ *тридцатыхъ*, *перелетныхъ* *утёнышекъ*, *снедвяныхъ*.

Дат. ед. ж. р. по *быстроѣ*; дат. ед. ср. р. *булатнію*; дат. мн. *дубовыемъ*, по *норамъ* по *змѣинымъ*, *широкіямъ*.

Вин. ед. ж. р. *шалковую*, *кряковитую*, *хороброю* (*дружинушку*); вин. ед. и. р. *молоде* *Луку* на *кругна* *берегъ*; вин. мн. ж. р. *горы сорочинскіе*, *золотая рѣчи*, *золоченія*.

Твор. ед. ж. р., *прямойжчоей*, *востроѣ*; тв. ед. и. р. *родныемъ* *братцемъ*.

Мѣстн. ед. ж. р. *соловоей* и на *кобылки соловоѣ*.

Огъ другой твор. ед. муж. р. *другомъ* (*городомъ*).

4. Въ именахъ числительныхъ: твор. *трема* *городамъ*. *Рябининъ* на вопросъ, сколько лѣтъ, отвѣчалъ: пятьдесятъ безъ единаго.

5. Въ глаголахъ: въ З л. ед. ч. окончаніе *ти* часто отпадаетъ: *поскриповаѣ*, отъ гл. хочу 2 л. ед. хотиши *понукиваѣ* *почиркиваѣ*, *проводжая* (= провожаетъ).

Форма есть однажды была поставлена въ значеніи есмы: *мы есте Митреевичи*.

Въ неопредѣл. накл. встрѣчаются окончанія *ти* и *ти*: *остовлавати*, *роздѣляти*, *слушати*, *заступити*, но—хотѣль спустить, *распустить*, *крестьянствовати*.

Далѣе, слѣдуетъ отиѣтить употребленіе членовъ: име-то, во чисто-то поле.

Въ синтаксическомъ отношении любопытно выраженіе: *Мужикъ деревенщина везеть батюшкѣ—прикованой*.

Не лишие указать нѣкоторыя особенности въ удареніи: на помочь, божѣй помочь, мужевья, зятевья, дѣры, у мбего, покривились соловей, въ соловья — разбойника, молодой, по сороку пудъ, въ борозду, петься бы далѣ, къ казаку, богатыре, именемъ, мѣстечко, мелость, по писаному, на божьихъ, говорилъ, далечѣ далечѣ.

Былины, сказанныя И. Т. Рябининъмъ, не заключаютъ, насколько мнѣ удалось замѣтить, существенныхъ варіантовъ, которые бы дополняли былины, записанные Гильфердингомъ отъ его отца; по большей части разница состоить въ перестановкѣ стиховъ, въ замѣнѣ однихъ словъ другими и отличіями въ звукахъ и формахъ.

Добавимъ недостающій стихъ въ былинѣ о Вольгѣ Святославовичѣ и Микулѣ Селяниновичѣ (Гильфердингъ, Опѣжская былина, стр. 437); «а кой лежа лежитъ, тотъ и вѣкъ не стонть». Слово базика въ значеніи наимѣшникъ въ былинѣ «Королевичъ изъ Крякова» сохранилось у Рябинина — сына, но безъ страннаго эпитета «новодревнія»; стихъ у Гильфердинга въ той-же былинѣ: вынималъ-то свой онъ ножъ булатнюю (стр. 538), — съ сомнительной формою булатнюю — вин. едпн. муж. род. — былъ сказанъ Рябининъмъ такъ: вынималъ то онъ да свой булатній ножъ; стихъ (тамъ же) — онъ весьма былъ обученъ бороться обѣ ручкѣ, звучащиѣ какъ-то по книжному, — такъ именно и былъ повторенъ И. Т. Рябининъмъ.

Въ музыкальномъ отношеніи былина складывалась изъ чередующихся двустішій, не всегда, впрочемъ, строго соблюдаемыхъ; первый стихъ представлялъ повышевіе, второй пониженіе; каждый изъ нихъ содержалъ въ себѣ иногда четыре (чаще въ первомъ), иногда три (чаще во второмъ стихѣ) тонической стопы:

1. Орѣть въ полѣ ратай й понукиваѣ,
2. Сошка у ратая поскрѣпываѣ.

Н. Волковъ.

Поклоненіе дереву.

Почтенный трудъ В. Маннгардта «Der Baumcultus der Germanen und ihre Nachbarstämme. Mythologische Untersuchungen. Berlin 1875. Ss. XX+646—хотя и заключаетъ въ себѣ не мало указаний на поклоненіе дереву у Славянъ, Литовцевъ и другихъ народовъ нашего мира или нашей половины арійского и христіанского человѣчества, однако съ этой стороны могутъ быть сдѣланы значительныя дополненія какъ изъ произведеній устной словесности, живыхъ народныхъ преданій и обрядовъ, такъ и изъ разныхъ памятниковъ письменности. Сказанное относится не только до народовъ славянскихъ, но и всѣхъ почти настоящихъ или нѣкогда бывшихъ и уже исчезнувшихъ народовъ восточной Европы и Русской Азіи.

Бы недавно изданномъ югославянской Академіею Наукъ въ Загребѣ XIII-мъ томѣ драгоцѣннаго для науки изданія *Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium* (Zagrabiae 1892), посвященномъ Боснѣ, подъ названіемъ: «Acta Bosnae potissimum ecclesiastica cum insertis editorum documentorum regestis ab anno 925 usque ad annum 1752 (VI+613 стр.), помѣщено въ числѣ многихъ другихъ, доселѣ неизвѣстныхъ и болѣе или менѣе важныхъ документовъ, особенно XVI и XVII в., одно письмо 1629—30 г., писанное въ Римѣ членами коллегіи пропаганды или другимъ вліятельнымъ людямъ въ Римской куріи однѣмъ неизвѣстнымъ духовнымъ лицемъ, постѣнившимъ находившимся тогда подъ властю Турокъ Славонію и южная части Венгрии. Жалуясь на печальное состояніе римско-католической церкви въ этихъ краяхъ, авторъ этого письма приводить въ доказательство разныя даныя. Такъ онъ указываетъ на отсутствіе монастырей и на недостатокъ священниковъ: въ иныхъ де приходахъ только монахи пришедши изъ Босны, «братья очень не любими за свою распущенную жизнь, и потому (жители) предпочитаютъ священниковъ (тоже, прибавимъ холостыхъ, словно болѣе цѣломудренныхъ, чѣмъ монахи). Эти братья не хотѣли принять ревизоровъ (визитаторовъ) и обозвали ихъ папскими шпионами, почему эти ревизоры были схвачены и задержаны Тур-